

## СЕКРЕТЫ ПОЛИШИНЕЛЯ: КОГДА ЗАКОНЧИЛАСЬ "ОТТЕПЕЛЬ" XIX СТОЛЕТИЯ?

### OPEN SECRETS: WHEN DID THE 19TH CENTURY THAW END?

A. Kirillov

#### Annotation

Alexander II's reign is remarkable not only for the "Great reforms" introduced by the government, but also for the thaw in the public atmosphere. The thaw ended yet before the last reforms. The aspiration for renovation and liberation died out by as early as mid-1860s. This shift was helped by the St.-Petersburg conflagration of 1862 which made the loyalist Russian capital dwellers fear the "nihilists". Another circumstance of importance was the Polish uprising which began at 1863 and opposed the Russian national feeling to the liberal ideas of the late 1850s.

**Keywords:** Alexander II, Great reforms in Russia, 19th century thaw, оттепель, St.-Petersburg conflagration of 1862, Polish uprising of 1863–1864.

#### Аннотация

Время Александра II – это не только "Великие реформы", проводимые правительством, но и "оттепель" в общественной атмосфере. Она закончилась гораздо раньше реформ. Стремление к обновлению и освобождению сошло на нет уже к середине 1860-х годов. Этому помогли петербургские пожары 1862 года, заставившие благонамеренных столичных обывателей бояться "нигилистов". Помогло и польское восстание 1863–1864 годов, которое пробудило у русских национальное чувство более сильное, чем либеральные идеи.

#### Ключевые слова:

"Великие реформы" Александра II, "оттепель" XIX века, петербургские пожары 1862 г., польское восстание 1863–1864 гг.

Начну с короткой цитаты из толкового словаря русского языка под редакцией Т.В. Ефремовой: "Шестидесятники [шестидесятники] 1. мн. Представители прогрессивного направления в общественной мысли, литературе, искусстве в Российском государстве 60-х годов XIX в. 2. мн. Представители прогрессивного направления в общественной жизни, литературе, искусстве (в СССР 60-х годов XX в.)" [1].

То, что в XIX веке были свои шестидесятники – это, стало быть, достаточно общеизвестно. Реже применяется к царствованию Александра II понятие "оттепель". Наверное, потому, что описание этого периода уже занято другим понятием – "великие реформы". Но реформы – это государственная политика, а как же общество?

#### Два явления в одном понятии

Как правило, когда говорят о "великих реформах", подразумевают и определённое настроение общества на исходе 1850-х годов. "Теперь вопрос об освобождении крепостных – во всех устах; об нём говорят громко, об нём думают даже те, при которых прежде нельзя было намекнуть на погрешительность крепостного права, не произведя в них корч и нервических припадков" [2, с. 119]. Это январское 1856 года высказывание Константина Кавелина. Известны и высказывания деятелей политически более умеренных.

"Есть множество людей и порядочных, умеренных, в средних и высших сословиях, которые желают тайно падения Севастополя, надеясь, что с падением его падёт и

нынешняя система. Я приехал в Петербург через год, и не узнал Петербурга; воротился через месяц в Москву, и не узнал Москвы! Вот как скоро все изменяется и зреет в наше время" [3, с. 283]. Так писал в ноябре 1854 г. монархист, историк Михаил Погодин – писал царю Николаю I о чужих мнениях. Излагал и собственное: "Призови на работу все таланты, – мало ли их есть на святой Руси? Освободи от излишних стеснений печать <...> Вели раскрой настезь ворота во всех университетах, гимназиях и училищах; дай средства нам научиться лить такие же пушки, штуцеры и пули, какими бьют теперь враги наших милых детей <...> Не свет опасен, а опасна тьма!" [3, с. 286–287].

Курляндский губернатор Пётр Валуев, в большей степени чужой для либералов, чем для консерваторов, вскоре после падения Севастополя передал высшим лицам страны записку "Дума русского (во второй половине 1855 года)" [4, с. 349–359]. Посвятив несколько страниц сокрушённому перечислению поражений в текущей войне, автор задаётся вопросом: "Благоприятствует ли развитию духовных и вещественных сил России нынешнее (1855г.) устройство различных отраслей нашего государственного управления?". Ответ – отрицательный: "Везде преобладает у нас стремление сеять добро силою. Везде пренебрежение и нелюбовь к мысли, движущейся без особого на то приказания. Везде опека над малолетними. Везде противоположение правительства народу, казённого – частному". Записка эта так понравилась младшему брату царя Константину Николаевичу, что он процитировал её в своём "Морском сборнике", рупоре

реформаторов. Афоризм Валуева "сверху блеск, внизу гниль" прогремел по всей читающей России.

Показательно, что Погодин и Валуев даже не затрагивают крепостное право. Речь идёт вообще об освобождении страны, частным случаем которого оказалась в дальнейшем отмена крепостного права, а также и новый суд, новое самоуправление, ограничение цензуры, освобождение университетов...

Итак, реформаторской политике Александра II соответствовало реформаторское настроение общества. По-видимому, общественное настроение во многом и определяло государственную политику. И всё-таки это два разных явления. Описание царей и царствований – детский возраст исторической науки. Следующий уровень погружения – изучение общества.

#### Две эпохи при одном императоре

При сопоставлении "оттепели XIX века" и "великих реформ" бросается в глаза, что они не вполне совпадают хронологически. Даже если началом реформ считать не Манифест 19 февраля 1861 г., а создание Секретного комитета под руководством Алексея Орлова в январе 1857 г., всё-таки реформы отстали от "оттепели" без малого на два года. Можно спорить, действительно ли отсчёт реформы идёт с января 1857 г., или о выходе за рамки традиции николаевского царствования можно вести речь только после введения в Секретный комитет в.к. Константина Николаевича, или только после "рескрипта Назимову". Эти и следующие вехи разработки реформы известны достаточно хорошо, чтобы каждый мог выбрать по вкусу [5]. При любом выборе очевидно, что начало "оттепели" не совпадает с началом реформ.

Не совпадает и окончание. Последняя крупная реформа при Александре II – это военная реформа 1874 года. Она важна не только для дееспособности армии, но и для общественного устройства. Ликвидация тяжкой сословной повинности в виде рекрутчины делает её одной из ключевых реформ Александра II.



Правда, реформы 1870-х гг. происходят на фоне ограничительных мероприятий, в том числе – такого заметного, как низведение реальных гимназий до уровня училищ. Напрашивается сомнение, правильно ли относить 1870-е гг. к "великим реформам", или это уже другой этап внутренней политики Александра II. Но это сомнение мы оставим до другого раза. Сейчас нам достаточно отметить, что в 1874 году коренная либеральная реформа ещё оказалась возможна. Сопоставим это с настроением общества.

Под новый 1874-й год уже было известно о том, что император одобрил "Устав о воинской повинности". Вместо того чтобы радоваться, главный радатель той реформы Дмитрий Милютин печально констатировал в дневнике засилье Петра Шувалова и его команды: "Какое поразительное и прискорбное сравнение с той обстановкой, при которой вступил я в состав высшего правительства 13 лет назад! Тогда все стремилось вперед; теперь все тянет назад. Тогда государь сочувствовал прогрессу, сам двигал вперед; теперь он потерял доверие ко всему, им же созданному, ко всему окружающему его, даже к себе самому. При таком положении дел возможно ли мне одному устоять на обломках кораблекрушения, и не будет ли извинительно, если я решусь сложить с себя оружие?" [6, с. 120].

Ещё раньше, чем Милютин, высказывался на ту же тему Алексей Головачёв, ближайший соратник вождя тверских либералов Алексея Унковского: "Сравнивая в этом отношении 1860-й и 1870-й годы, приходится убедиться, что общество наше не только не подвинулось вперед, но сделало несколько шагов назад. Прежде мы замечали всеобщий интерес к вопросам общественной жизни; всюду были слышны суждения и толки не только о главном крестьянском вопросе, но и многих других, несмотря на то, что они представлялись в отдаленном будущем <...> В общественных собраниях появлялись люди, которых возмущали прежние порядки, которые ставили себе целью общественную пользу и старались противодействовать интриге и кумовству. Но вот проходит десять лет, и все изменилось. Людей, которыми руководил бы не



личный интерес, а общественная польза, как-то не видеть; если же они и являются, то в виде исключений и без большого влияния. Приверженцы старого прядка вещей, прежде робко выражавшие свое мнение, теперь как будто устыдились своей прежней скромности и, вслед за "Московскими ведомостями", набросились на всё живое и разумное в обществе" [7, с. 2].

Не обойдём вниманием и такой чуткий барометр общественной жизни, как Николай Некрасов. В 1869 г. он написал длинное стихотворение "Притча" – о царе, который попытался перестроить обветшалый храм, доставшийся ему по наследству:

"Леса убирают – убрали... и вот  
"Готово!" – царю возвещают,  
И царь по обширному храму идет,  
Вельможи его провожают...

Но то ли пред ним, что когда-то в мечте  
Очам его царским являлось  
В такой поражающей ум красоте?  
Что неба достойным казалось?

Над чем, напрягая взыскательный ум,  
Он плакал, ликуя душою?  
Нет! Это не плод его царственных дум!..  
Царь грустно поник головою" [8].

Если приглядеться, то у приведённых цитат можно заметить разные оттенки – с упором где-то на общество, а где-то – на правительство. Но все три автора рисуют настроение, далёкое от виденного нами в отрывках из Каверина, Погодина и Валуева.

Теперь ясно, что "оттепель" закончилась далеко не в 1881 году, с воцарением Александра III, а гораздо раньше. Когда же?



Неизвестный литограф. Пожар 28 и 29 мая 1862 г. в Санкт-Петербурге.

### Больше, чем выстрел

Обычно водоразделом двух эпох называют 1866 год, ещё точнее – 4 апреля, покушение Дмитрия Каракозова. По выражению Дмитрия Милютин, "каракозовский выстрел сделался сигналом резкого перелома в царствовании императора Александра II. После первых десяти лет, ознаменованных славными реформами, либеральными мерами, начался период реакции <...> С этого времени вкоренилось недоверие ко всему, что было совершено в предшествовавшее десятилетие, и ко всем бывшим деятелям этой светлой эпохи" [цит. по: 9, с. 88]. Отставной военный министр вновь говорит главным образом о правительстве. Но и атмосфера уже иная.

Министру народного просвещения Александру Головнину император в апреле 1866 года объяснял причины отставки: "Я должен сказать, что вполне ценю твои намерения и твое усердие и ни в чем не могу тебя упрекнуть, но против тебя сильно возбуждено общественное мнение, и что бы ты ни делал, всё истолковывается в дурную сторону. Теперь нужны люди новые" [10, с. 350].

Не только головнинские поступки "толковались в дурную сторону". Никогда не достоверная и часто глупая, но всегда влиятельная молва обвиняла главного вождя правительственных либералов в.к. Константина Николаевича в том, что это он направлял руку Каракозова (как годом ранее сплетничали об отравлении им безвременно умершего наследника престола Николая Александровича) [9, с. 74–103].

Покушение Каракозова поделило историю России 1860–х годов на "до" и "после". Но само по себе покушение – это соломинка; раз она сломала хребет верблюду – значит, критическая масса была накоплена раньше. Как накапливалась эта масса?

Теоретически ясно, что коренная предпосылка для перемены настроения – это реформы, утоляющие жажду перемен со стороны умеренных либералов. Но практически перемена настроения была связана с определёнными событиями. Громких событий, побудивших современников по-новому взглянуть на политическую обстановку, было два.

### Столичные пожары

На исходе мая месяца 1862 года Петербург оказался охвачен эпидемией пожаров, слишком многочисленных, чтобы их можно было считать случайностью. Не успевало догореть в одном месте, как уже поднимался столб дыма в другом. Начавшись с окраин, пожары добрались и до элитной части города. Полностью выгорели два крупных рынка близ Невского проспекта – Апраксин и Щукин двory.

Ни специальная следственная комиссия, ни историки

## Польское восстание

так и не нашли организаторов пожаров. Но и общество, и правительство были уверены, что это дело рук социалистов. Дело в том, что за считанные недели до страшных пожаров жители Петербурга, а затем – Москвы и других городов, начали получать по почте, обнаруживать в университетских клиниках, просто находить на улицах листовку "Молодая Россия" [11, с. 142–50]. Решительностью заявлений она превосходила всё, к чему уже успели привыкнуть столичные обыватели: "Своею кровью заплатят они за бедствия народа, за долгий деспотизм, за непонимание современных потребностей. Как очистительная жертва сложит головы весь дом Романовых!" "Мы будем последовательнее не только жалких революционеров 48 года, но и великих террористов 92 года, мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка придется пролить втрое больше крови, чем пролито Якобинцами в 90-х годах".

Связь между "Молодой Россией" и поджогами осталась не доказанной, но петербуржцы и не ждали формальных доказательств. Академик и цензор Александр Никитенко записывал в те горячие дни: "Несомненно кажется, что пожары – в связи с последними прокламациями. Если бы поджоги производились простыми мошенниками, то были бы покушения к грабежу: их нигде не оказалось". "Народ все думает, что поджигают студенты. Головин писал [министру внутренних дел] Валуеву, чтобы тот сделал объявление в том смысле, что напрасно обвиняют студентов. Валуев отвечал отказом" [12, с. 356–357].

Меры противодействия социалистам со стороны власти ограничились арестом в течение июня–июля вождей первой "Земли и воли" (включая Николая Чернышевского), закрытием журнала "Современник", воскресных школ, Шахматного клуба. Вероятно, более существенным итогом майских пожаров 1862 года стало чёрное пятно на репутации "левых" в общественном мнении.

По словам Валуева, "Чуткое чувство самосохранения возбудило другие чувства, которым следовало бы пробудиться и ранее майских пожаров. В эту эпоху совершился первый благоприятный переворот в общественном мнении. Все почувствовали, что для спасения общества и государства нужны были энергические правительственные распоряжения. В некоторых литературных органах стала заметною перемена направления; наконец, в них появились прямые протесты против изменнических действий наших заграничных агитаторов, до тех пор пользовавшихся в России непостижимым кредитом" [цит. по: 2, с. 349].

Поворот, о котором говорит Валуев, связан с отмежеванием себя столичным обществом от "нигилистов", социалистов, революционеров. Но изначально было ясно, что революционеры – лишь "временные попутчики" александровских реформ. Более важна следующая развилка, на которой разошлись дорожки либералов–реформаторов и умеренного большинства.

Восстание в Польше обычно упоминается в связи с первой "Землёй и волей", упоминается как периферийный сюжет из истории российского революционного движения. На деле его значение гораздо больше.

Неспокойно в Польше было уже не первый год. Ещё были живы польские старики, которые помнят Речь Посполитую; среднее поколение своими глазами видело восстание 1830 года. С началом либерального царствования тяга к независимости приняла демонстративные формы: празднование памятных польских дат, ношение траура, отказ от русского языка. Александр II действовал по отношению к Польше так же, как по отношению к студентам. Убедившись в неуспешности репрессий, царь поставил наместником в.к. Константина, который принёс умеренные уступки (устранение самых неподходящих русских чиновников, расширение сети школ, открытие Главной школы в Варшаве – по существу, восстановление университета, закрытого в 1831 году). Но полякам этого было уже мало. В июле–августе 1862 года состоялось три покушения на в.к. Константина и руководителя гражданского управления маркиза Велёпольского. Готовилось восстание, об этом открытым текстом сообщалось в "Колоколе". Главной целью восстания ставилась независимость Польши от России.

Восстание, начавшееся в январе 1863 и окончательно подавленное к маю 1864 года, ничего не дало для польской самостоятельности. Но оно сильно изменило обстановку внутри России. Консервативная партия торжествовала поражение в.к. Константина, и в его лице – всех реформаторов. Либеральная политика Константина в Польше окончилась провалом, тогда как грубая солдатская работа пришедшего ему на смену Михаила Муравьёва обеспечила восстановление порядка.



Польское восстание 1863–1864 гг.

Дело усугубилось позицией Англии и Франции, которые официально поддержали требование независимости для Польши. В памяти русских дворян оживали севастопольские сюжеты восьмилетней давности, обострялось чувство неотмщённого национального унижения.

Не случайно именно 1863-й год принёс и резкое падение интереса к герценовскому "Колоколу", который выступил в поддержку польских притязаний на независимость. Даже сокращение тиража в несколько раз не могло удержать издание на плаву. Герцену не простили "непатриотического" поведения. Читателями "Колокола" были не столько революционеры, сколько просто образованная публика. Она-то и отвернулась от сторонника "расчленения России".

На имя Михаила Муравьёва (будущего Муравьёва-Виленского) составлялись и подписывались приветственные адреса с высокопарными благодарностями. Среди подписей под адресами были и фамилии явных либералов, таких как "константиновец" Дмитрий Оболенский, главный двигатель разрабатываемой тогда цензурной реформы.

Столичный генерал-губернатор Александр Аркадьевич Суворов (внук знаменитого полководца) отказался подписать очередной приветственный адрес Муравьёву-вешателю (как прозвали его язвительные противники), да ещё и назвал усмирителя Варшавы людоедом. Это вызвало немедленный отклик бдительно следящего за политикой Фёдора Тютчева.

*Его пылкий ответ начинается так:*

"Гуманный внук воинственного деда,  
Простите нам, наш симпатичный князь,  
Что русского честим мы людоеда,  
Мы, русские, Европы не спросим!.. "

И далее три строфы комплиментов "тому, кто отстоял и спас России целость", завершаются вновь язвительно по отношению к Суворову:

"Так будь и нам позорною уликой  
Письмо к нему от нас, его друзей!  
Но нам сдается, князь, ваш дед великий  
Его скрепил бы подписью своей". [13]

Так польское восстание стало вехой в истории российского либерального мнения. Мечты о свободе отступили перед национальным чувством. Русские либералы оказались больше русскими, чем либералами.

\*\*\*

Годы с 1861 по 1864 – самое горячее время "великих реформ". Именно в это время задан их костяк: крестьянская, земская, судебная (не говоря уже о гимназической, университетской, налоговой...). Но в эти же годы происходил и сдвиг умов. Столкнувшись с крайностями свободы, ещё вчера реформаторское большинство поспешило припасть к "твёрдой руке". Запах оттепели постепенно растворился в гари петербургских пожаров и пороховом дыме польского восстания.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Толковый словарь русского языка под редакцией Т. Ф. Ефремовой. Электронное издание: <http://www.slovoblog.ru/efremova/shestidesyatniki/> [дата последней проверки – 8 января 2012 г.]
2. Революционная ситуация в России в середине XIX века. М.: Наука, 1978. 440 с.
3. Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. М.: типография В.М. Фриш, 1874. 358+16 с.
4. Русская старина. 1891. № 5.
5. Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М.: РОССПЭН, 2011. 720 с.
6. Дневник Д.А. Милютина. 1873–1875. Т. 1. М.: Гос. б-ка им. В.И. Ленина, 1947. 255 с.
7. Головачев А.А. Десять лет реформ. 1861–1871. СПб: издание "Вестника Европы", 1872. 410 с.
8. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений: В 3 т. Л.: Советский писатель, 1967. Т. 2. Электронная публикация: [http://az.lib.ru/n/hekrasow\\_n\\_a/text\\_0020.shtml#236](http://az.lib.ru/n/hekrasow_n_a/text_0020.shtml#236) [дата последней проверки – 8 января 2012 г.]
9. Воронин В.Е. Русские правительственные либералы в борьбе против "аристократической партии" (середина 60-х – середина 70-х гг. XIX в.). М.: Спутник+, 2009. 369 с.
10. Головин А.В. Записки для немногих. СПб: Нестор-история, 2004. 576 с.
11. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. М.: Археографический центр, 1997. 576 с.
12. Никитенко А.В. Записки и дневник: В 3 т. Т. 2. М.: Захаров, 2005. 608 с.
13. Тютчев Ф. И. Лирика: В 2 т. М.: Наука, 1966. Т.2. Электронная публикация: <http://feb-web.ru/feb/tyutchev/texts/selected/lp2/lp2-155-.htm> [дата последней проверки – 8 января 2012 г.]